

Кострюк (8)

В го́ды-ти были прэ́жние¹,
Во времена-ти были² досельние
При нашем свети цари
При Иване Васильевици.
Он здумал жонитисе в земли неверное
На Марьи Темрюковны.
У их было много провожатых-то:
Дваста тотаровей,
полтора́ста ула́новей,
Полтретьяста церквя́сыновей.
Они все сидят у царя на пиру;
Они пиво-то с мёдом пьют,
Хлеб-от с солью едя,
Таки есвы кушают;
Они лиха не думают
На нашего света царя
на Ивана Васильевиця.
Большой шу́рин царев
Кострюк-Темрюк Темрюковиць
Он пива-та с мёдом не пьё,
Хлеба-та с солью не ест,
Зелена вина в рот не берёт,
Таки есвы не кушаёт.
В та(а́) пора сто́льник царев
да Микита Рома́новиць
Он скоро допрашивал:
«Що же, бойшой³ шу́рин царев
Кострюк-Темрюк Темрюковиць,
Що же пива с мёдом не пьёшь,
Хлеба с солью не ешь,
Зелена вина в рот не берёш,
Такие есвы не кушаёш?
Ты не лиха⁴ ле думаёш
На нашего света царя
На Ивана Васильевиця?» —

«Лиха не думаю
На вашего света царя
На Ивана Васильевича.
Столько я думаю:
Я тридцать городов перешол,
Тридцать борцей поборол —
Не мог силы отведати;
Нет ли у вас таких борцей
В каменной Москвы
С Кострюком поборотисе,
С Темрюком поотведати,
Силки отведати?»
В та пора стольник царев
да Микита Романовиць
Выходил на те сени новые;
Выходил на то крыльцё красное,
А на то восударевоё —
Скрыццал во всю буйну голову,
Щобы было цють по всей каменной Москвы.
Из нижного конца
да ис крайного дворьця
Ондрея-та Пауженина
Был Васька-та Маленькой
Да Потанька-та Хроменькой;
Костылём подпираться,
Ко двору подвигаитьсе⁵.
В та пора стольник царев
да Микита Романовиць
Он наливат цяру [зелена вина],
Не велику, не малу — полтора ведра.
Принимается Васютка единой рукой,
Выпивает на единой дух.
В та пора стольник царев
да Микита Романовиць
Он скоро докладывал
Кострюку-Темрюку Темрюковицю:
«У нас у царя хлеб на столи,
да борци на двори:
Хотят с Кострюком поборотисе,

с Темрюком поотведати,
хотят силки отведати!»
Он скоцил церес золот стол,
Церес есвы сахарные,
Церес скамейки дубовые, —
Он дваста тотар подломил,
Полтораста улановой,
Полтретьяста церквасыновой⁶.
Они все посыпалисе,
Все повалилисе,
Все пошли борьбы смотреть.
Васька-та Маленькой
Да Потанька да Хроменькой
Он на ношку справилса,
За рубашку зграбилса;
Кострюк-Темрюк был на ногах, —
Поставил на голову⁷.
Как спроговорит Марья Темрюковна:
«Уш ты ой еси, бóльшой царь,
Царь Иван Васильевиць!
Нащо было рубашка здеть?
Да нащо было нага спустить
Пот те сени новые
Да пот те сени царьские?»
Как спроговорит бóльшой царь,
Царь Иван Васильевиць:
«У нас в Москвы так и вóдутьсе,
Кто с кем боритьсе!..»

(Записана А. Д. Григорьевым от крестьянки Щербаковой в с. Кобелёве в Пинежском крае. См. «Архангельские былины и исторические песни», т. I, № 137, стр. 430)

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.

1 Ударения 1-го, 46 и 47 стихов поставлены мною при переписке (Григ.)

2 «Были» ошибочно вместо «было» (Григ.)

3 Так в черновике (Григ.)

4 Это — обмолвка певицы под влиянием 36-го стиха. (Григ.)

5 Щербакова принимает два лица, т. е. Ваську и Потаньку, за одно. (Григ.)

6 Искажено из «Черкашиновой» т. е. Черкашинов (Ред.)

7 91-й стих она пропела нескладно; по-видимому это место испорчено. (Григ
.)